

А. В. Скоробогатов,

доктор исторических наук, профессор,

Казанский инновационный университет имени В. Г. Тимирязова

А. В. Краснов,

кандидат юридических наук, доцент,

Казанский филиал Российского государственного университета

правосудия

ЦИФРОВОЙ ЧЕЛОВЕК: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Статья посвящена философско-правовому исследованию категории «цифровой человек». На основе анализа современной литературы и законодательства рассмотрены возможные смыслы этого понятия. Сделан вывод о том, что в настоящее время понятие «цифровой человек» с философско-правовых позиций является оксюмороном. Однако в перспективе возможно конструирование на основе цифрового профиля человека самостоятельного субъекта киберправа, которого можно обозначить термином «цифровой человек».

Ключевые слова: цифровой человек, киберправо, цифровой профиль человека, философия права, субъект права, цифровой образ человека, социальное конструирование реальности

DIGITAL MAN: PHILOSOPHICAL AND LEGAL ANALYSIS

Abstract. The article is devoted to the philosophical and legal research of the category “digital man”. Based on the analysis of modern literature and legislation, possible meanings of this concept are considered. It is concluded that at present the concept of “digital man” from the philosophical and legal positions is an oxymoron. However, in the future, it is possible to construct an independent subject of cyberlaw based on the digital profile of a person, which can be designated by the term “digital man”.

Keywords: “digital man”, cyber law, digital profile of a person, philosophy of law, subject of law, digital image of a person, social construction of reality

Современная наука сталкивается с проблемой лавинообразно нарастающего усиления процессов цифровизации. Последняя представляет собой глобальное явление, которое невозможно обойти стороной, выбрав некий изоляционный путь развития, так как в таком случае общество может оказаться перед проблемой выживаемости в межгосударственных отношениях: новые технологии позволяют повышать эффективность любого вида деятельности, а отказ от них чреват существенным отставанием от других цивилизаций. Тем не менее цифровизация влечет за собой и ряд негативных последствий, которые следует пытаться так или иначе нивелировать. В связи с этим определение так называемого цифрового человека представляется нам более чем актуальным. Тем более что осмысление данной тематики также выводит нас на философский и философско-правовой пласты проблемы, так как определение того, кем является человек вообще и цифровой человек в частности, есть условие для формирования базы правового регулирования информационных отношений в принципе.

В правовой науке человек рассматривается с позиций правосубъектности, а именно под углом зрения потенциального или реального его вступления в общественные отношения, регулируемые правовыми нормами. В связи с этим для правоведения характерно выделение таких категорий, как физическое лицо, гражданин, лицо без гражданства, иностранный гражданин, лицо с двумя гражданствами, должностное лицо и пр. И если категория физического лица при этом выполняет некую объединительную функцию, обозначая человека как индивида с определенными психофизиологическими признаками, то остальные категории обозначают разновидности по существу правового статуса в зависимости от того или иного типа его отношений с государством (наличие, отсутствие, наличие в отношении двух или нескольких государств, наличие особого объема полномочий, позволяющих выступать от имени государства).

Цифровой человек по-разному осмысливается в социально-гуманитарной научной мысли. В частности, он может пониматься как узкоспециализированный человек, сформировавшийся под влиянием конвергентных технологий, киберфизических систем и искусственного интеллекта [1]. С. В. Тихонова и С. М. Фролова исследуют цифровую антропологию, которая может рассматриваться как ключевой инструмент социально-философского анализа; субъекты вступают в отбор технологических сервисов и решений [2]. А. В. Гурьянова подчеркивает наличие у цифрового человека принципиально новых ценностных ориентаций [3]. Для И. А. Сорочайкина цифровой человек обладает такой сущностной характеристикой, как «свободное владение цифровыми и информационно-аналитическими технологиями, при помощи которых он получает объем информации, производит (в силу своей адекватности и способностей) его оценку и выстраивает модель своего социального поведения» [4. С. 45]. М. А. Меликян выделяет два смысла в трактовке цифрового человека: как субъекта, который соприкасается с цифровыми технологиями и как совершенного субъекта новой эпохи [5]. Кроме того, термин «цифровой человек» («человек цифровой», *homo digitalis*) зачастую используется для обозначения следующего этапа не только социальной, но и биологической эволюции человека, связанной с трансформацией его разума, который частично переходит в цифровое пространство [6], а также с развитием биоинженерии (вмешательство в организм человека на клеточном и атомном уровнях; разработка гибридных нанороботов на основе синтетических белков; имплантация реконструированной ДНК; выращивание органов по заказу или их 3D-печать и т. п.) [7].

В философско-правовом измерении цифровой человек, с нашей точки зрения, может пониматься в нескольких смыслах. Во-первых, это особый тип субъекта права, который концентрируется на реализации своих прав и обязанностей посредством информационных технологий, тем более что такие возможности в последние годы стремительно расширяются. В этом смысле цифровой человек предстает как физическое лицо, стремящееся сделать свое вступление в правоотношения более эффективным за счет использования новых информационных технологий.

Во-вторых, цифровым человеком можно именовать цифровой образ правового статуса человека, то есть информационное правовое содержание, содержащееся на том или ином электронном носителе. В условиях расширения информационной

открытости человека такой образ все больше воспринимается не в качестве дополнения к правовому статусу в социальном пространстве, а как самостоятельный симулякр, направленный на идентификацию индивида не только локально, но и глобально. Благодаря возможностям виртуального пространства человек может сконструировать свой образ в глазах сообщества, который способен оказывать воздействие на его восприятие в реальном мире. Применительно к правовому статусу речь может идти о виртуальной декриминализации деяний индивида не столько потому, что такое деяние не является преступным, сколько в силу подобной артикуляции электронными средствами. Понятие противоправного все больше приобретает черты релятивности и конвенциональности [8]. Это позволяет использовать, например, социальные сети для формирования протестных настроений [9, 10].

В-третьих, цифровой человек в философско-правовом плане может быть интерпретирован как сгусток информационных данных, как определенная энергия, которая переносится на определенный носитель. В настоящий момент такое определение цифрового человека может выглядеть фантастическим, однако существуют направления в нейрофизиологии и кибернетике, которые позволяют говорить о возможной разработке подобного рода информационных технологий. В определенном смысле формируется виртуальная «голова профессора Дуоэля», способная воспроизводить когнитивные функции, принимать правовые решения и пр. В связи с этим будут сниматься проблемы с наследованием имущества, так как наследодатель будет сохраняться в электронном виде.

В-четвертых, цифровой человек может представлять собой некое виртуальное электронное лицо, в своем роде аккаунт (цифровой профиль), который создается в сети Интернет с целью вступления в правоотношения посредством цифровых технологий. Уже в настоящий момент это широко используется многими физическими лицами. По мнению ряда авторов, конструирование картины мира современным человеком детерминировано его принадлежностью к гибридной реальности, представляющей собой синтез онлайн- и офлайн-повседневностей [11].

В-пятых, цифровым человеком выступает цифровой образ человека в виртуальном пространстве (например, в многопользовательской онлайн-игре), поведение которого регулируется правилами определенного виртуального сообщества как номинальной социальной группы. Эти правила можно рассматривать как специфическую разновидность социального права [12. Рр. 33–34]. При этом необходимо учитывать, что в данном случае виртуальная и социальная реальность взаимодополняют друг друга. С одной стороны, индивид получает возможность использовать средства виртуальной реальности не только в киберпространстве, но и в реальном мире. Прежде всего речь идет о расширении использования криптовалют. С другой стороны, человек в виртуальном мире не связан социальными, в том числе юридическими, нормами физического мира, и, соответственно, то, что является правонарушением в физическом мире, в мире виртуальном не только не является таковым, но, напротив, выступает поощряемым. Зачастую физический мир выступает продолжением виртуального, и социальные правила последнего распространяют свое действие на первый. Достаточно вспомнить широко распространенные совсем недавно «группы смерти», члены которых совершали суицидальные действия не только виртуально, но и реально [13].

Из пяти приведенных потенциальных интерпретаций того, что из себя представляет цифровой человек в философско-правовом смысле, терминологически может быть принята лишь первая и в некотором смысле вторая, включающие наиболее обобщающий смысл, либо создающая образ правовой информации, хотя и в этих значениях термин «цифровой человек» понимается по большому счету метафорично. В других случаях мы имеем дело вовсе не с человеком, а с иными сущностями, которые даже лингвистически обозначать в качестве «человека», с нашей точки зрения, нецелесообразно в силу прямых противоречий между категорией человека и так называемыми цифровыми формами его проявлений, взаимодействий в социуме. Человек есть, прежде всего, биологическое существо, обладающее разумом и волей, в отличие от животных. Нейрофизиология человека уникальна и неповторима в силу динамики нейронных связей, которые не могут быть представлены как застывшая система, а находятся в постоянном развитии, переформатировании, и поэтому в обозримом будущем не могут быть полностью переведены в разряд электронной копии. Когда же такая возможность появится, это будет означать, что ученые полностью познали секрет мозга, и тем самым появятся совершенно фантазмагорические возможности совершенствования и переделки человеческой натуры, интеллекта, которые и не потребуют создания электронных копий.

Что касается цифрового человека как некоего аккаунта, который создается физическим лицом, то в данном случае именование его в качестве «человека» неуместно по вышеназванным причинам: сущностные признаки человека на такой аккаунт не переносятся. В этом случае мы имеем дело с определенной электронной маской, и поэтому более уместно использование термина «электронное (цифровое) лицо», а не человек, – по аналогии с юридическим лицом, которое также создается специально для участия людей в правоотношениях опосредованно, но представляет собой сущностно юридическую фикцию.

Тем не менее утрата обществом выстроенных ранее социальных правил, необходимость индивида осуществлять поиски новых способов самореализации в сложившемся цифровом мире все больше способствует трансформации социальной и правовой идентичности. В значительной степени идентификация индивида осуществляется в соответствии с его принадлежностью к определенному цифровому сообществу [14; 15], что детерминирует поведение не только в виртуальном, но и в социальном пространстве. В отличие от последнего первое в силу своей природы предполагает существенное расширение коммуникативных возможностей индивида. С одной стороны, увеличивается количество коммуникативных единиц и сообществ, с которыми себя идентифицирует человек. Он может иметь множество различных аккаунтов, ников и аватаров, которые могут иметь значение лишь в определенном сообществе, не претендуя на глобальную роль. Виртуальная репрезентация индивида при этом будет определяться не только ценностными ориентациями, но и техническими возможностями. С другой стороны, репрезентуя себя как члена определенного сообщества, человек способен предоставлять недостоверную (или даже заведомо ложную) информацию, чтобы повысить свой статус в группе. При этом акцент в регулировании отношений в виртуальном пространстве преимущественно с помощью норм социального права и возможность правовой

полиидентификации человека существенно повышают уровень правовой неопределенности, преодоление которой возможно лишь при вмешательстве государства. Как показывает Д. А. Пашенцев, такое вмешательство возможно преимущественно на основе сегментарной модели правотворчества [16].

Конструирование цифрового профиля человека все больше приобретает централизованный характер не только со стороны индивида и виртуальных сообществ, но и со стороны государства. Прежде всего необходимо учитывать расширение возможностей портала государственных услуг [17], а также обсуждение вопроса об установлении цифрового идентификатора человека [18]. При этом возникает проблема существования и статуса цифрового профиля уже умершего человека. Также необходимо учитывать существование фейковых аккаунтов, т. е. цифровых профилей, не имеющих реального прототипа.

Так что «цифрового человека» как категорию можно отнести к оксюморонам (симулякрам, мыслительным конструкциям), так как человек как существо не может быть «цифровым», иначе как только в метафорическом смысле. Если человек становится «цифровым», то это уже не человек (по аналогии со словосочетанием «живой труп», «честный подлец» и пр.). Тем не менее, учитывая сложившуюся традицию именовать указанные выше явления как «цифровой человек», в том числе в широком метафорическом смысле, мы вынуждены использовать в своих исследованиях такую категорию, дабы не выдаваться из общего тренда и не беря на себя роль ниспровергателей научных традиций. Однако все наши оговорки необходимо иметь в виду в обязательном порядке.

Физическое лицо, как человек, наделенный определенной правосубъектностью, способно создавать цифровое (электронное) лицо, как некий виртуальный субъект конструктивного плана, который наделяется комплексом прав и обязанностей, а точнее на который они переносятся с тем, чтобы было удобнее вступать в правовые отношения на цифровой платформе [19. С. 27].

Понятие электронного лица находится в некоторой зависимости с понятием искусственного интеллекта [20]. Как мы писали в наших работах, искусственный интеллект может пониматься по-разному, как и «цифровой человек» [21]. Создание электронного лица, т. е. некоего аккаунта физического лица, с помощью которого последнее обменивается правовой информацией и вступает в правоотношения, может происходить с использованием искусственного интеллекта как определенных информационных инструментов, с помощью которых осуществляется вышеобозначенное правовое взаимодействие. В такой ситуации электронное (цифровое) лицо и является плодом волеизъявления физического лица и полностью находится под его контролем, будучи им управляемым. Здесь не возникает проблема конфликта волеизъявлений, но могут возникать иные негативные последствия, когда цифровое лицо используется в противоправных целях, либо просто для введения в заблуждение добросовестных участников правоотношений на цифровой платформе. Такого рода правовое поведение посредством цифрового лица может потенциально нарушать разного рода права человека – тайну переписки, неприкосновенность частной жизни, свободу слова и пр. [22]. Тем не менее в данном случае вряд ли можно говорить о самостоятельной правосубъектности искусственного интеллекта, так как аккаунт сущностно не связан с формированием самостоятельной свободной воли.

Другое дело, когда речь идет о формировании таких продуктов информационных технологий, которые способны к саморазвитию, принятию самостоятельных решений и пр., что мы предлагаем именовать киберлицом [23]. В случае киберлица (в том числе робота, робота-агента) самостоятельность в принятии решений, если она достигнута, позволяет говорить и о потенциально особой правосубъектности. Изначально она формируется физическим лицом (именно физическим, так как юридическое лицо само по себе является фикцией, создаваемой и управляемой людьми), однако впоследствии может самостоятельно реализовать некие права и обязанности, возможно приобретать их в правоотношениях. А физическое лицо лишь ретроспективно контролирует такой процесс. С нашей точки зрения, термин «цифровой человек» здесь совершенно неуместен, в силу сущностного различия такого лица и человека как индивида (это все равно что обозначить юридическое лицо как юридического человека). Однако в перспективе возможно говорить и о социальном конструировании цифрового человека как субъекта киберправа [24. Р. 40]. Правда, речь должна идти не столько о человеке как биосоциальном существе, сколько о его виртуальном образе или цифровом профиле как участнике правоотношений в киберпространстве.

Таким образом, категория цифрового человека весьма многообразна и предполагает разные варианты интерпретации и прочтения. В большинстве случаев цифровой человек представляет собой лишь определенную метафору. Если же вести речь об электронном (цифровом) лице как особом субъекте, который может потенциально претендовать на особую правосубъектность, то пока это понятие в контексте правового регулирования может быть рассмотрено только на уровне теоретического осмысления. По существу, категория цифрового человека представляет оксюморон, так как человек, как существо биологическое и психофизическое, не может быть оцифрован в прямом смысле, а электронное (цифровое) лицо не имеет ничего общего с человеком как таковым – если не считать тот момент, что физическое лицо (человек) создает цифровое лицо, распоряжается им и контролирует его действия, что, однако, не дает нам никакого права обозначать его как человека. Конструирование цифрового профиля индивида, в том числе в результате целенаправленной деятельности государства, и усиление роли социального права в регулировании отношений в виртуальном пространстве позволяют предположить, что в перспективе возможно формирование философско-правовой категории «цифровой человек», обозначающей субъекта киберправа. Однако это предполагает усиление цифровизации и антропологизации не только юридической науки, но и законодательства и юридической практики.

Список литературы

1. Елькина Е. Е. Автотрофный проект – ответ на вызовы и глобальные риски цифровой эпохи // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2020. № 22. С. 57–70.
2. Тихонова С. В., Фролова С. М. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, № 3. С. 287–290.

3. Guryanova A., Khafiyatullina E., Kolibanov A., Makhovikov A., Frolov V. Philosophical View on Human Existence in the World of Technic and Information / Popkova E. (Eds.) The Impact of Information on Modern Humans: HOSMC 2017 // *Advances in Intelligent Systems and Computing*. Vol. 622. Cham: Springer, 2018. Pp. 97–104. DOI: 10.1007/978-3-319-75383-6_13
4. Сорочайкин И. А. Цифровой человек: обзор философского дискурса // *Основы экономики, управления и права*. 2022. № 2(33). С. 45.
5. Меликян М. А. Ноосферность и информационность человека: философско-антропологическое осмысление нового человеческого качества // *Вестник Ивановского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2018. № 2(18). С. 68–78.
6. Сергейчик Е. М. Антропология будущего: от Homo Sapiens к Homo Digitalis // *Непрерывное образование*. 2020. № 3(33). С. 11–20.
7. Zhang Y., Ptacin J. L., Fischer E. C., Aerni H. R., Caffaro C. E., San Jose K., Feldman A. W., Turner C. R., Romesberg F. E. A semi-synthetic organism that stores and retrieves increased genetic information // *Nature*. 2017. № 551(7682). Pp. 644–647. DOI: 10.1038/nature24659
8. Гишинский А. Я. Криминология постмодерна (неокриминология). СПб.: Алетейя, 2021. 136 с.
9. Малькевич А. А. Роль социальных сетей в протестном политическом участии граждан // *Управленческое консультирование*. 2020. № 1(133). С. 35–42. DOI: 10.22394/1726-1139-2020-1-35-42
10. Рягузова Е. В. Homo Digitalis: запрос на новую конфигурацию индивидуальности // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2021. Т. 21, № 3. С. 320–325. DOI: 10.18500/1819-7671-2021-21-3-320-325
11. Залоило М. В., Власова Н. В. Социальные интернет-сети: правовые аспекты // *Журнал российского права*. 2014. № 5. С. 140–145.
12. Grabowski M., Robinson E. P. *Cyber Law and Ethics: Regulation of the Connected World*. Abingdon, New York: Routledge, 2022.
13. Баева Л. В. Эскапизм в цифровом социуме: от хикикомори до «групп смерти» // *Ценности и смыслы*. 2018. № 2(54). С. 39–54.
14. Мамедова Н. М. Человек в эпоху цифровизации: на грани реального и виртуального // *Век глобализации*. 2021. № 3(39). С. 74–85.
15. Анненкова И. В., Залоило М. В. Новая культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: право, медиа и национальная идентичность // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2019. № 3. С. 140–155.
16. Пашенцев Д. А. Модели правотворческой деятельности в условиях цифровизации // *Образование и право*. 2021. № 9. С. 72–75. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-9-72-75
17. Долганова О. И., Васильева Е. В., Рябов Д. А. Цифровой профиль гражданина: необходимый и достаточный набор персональных данных // *Вопросы инновационной экономики*. 2022. Т. 12, № 3. С. 1523–1540. – DOI: 10.18334/vinac.12.3.116277
18. Коломеец Т. В. Homo Digitalis (человек цифровой) // *Национальные приоритеты России*. 2019. № 2(33). С. 70–74.

19. Стренин Д. А., Мороз А. И. Цифровое лицо – новый субъект права // Материалы XV Ежегодной всероссийской конференции по национальному и международному праву, Екатеринбург, 2020. Екатеринбург: Учебно-научная лаборатория «Sapientia», 2020. С. 26–30.

20. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55.

21. Skorobogatov A. V., Krasnov A. V. Law nature of artificial intelligence // Problems of Information Society. 2023. Vol. 14. No. 1. Pp. 3–13. DOI: 10.25045/jpis.v14.i1.01

22. Гарумов Н. М., Касумов Р. М. Права человека в цифровую эпоху: к вопросу о защищенности человека в виртуальной реальности // Закон и право. 2022. № 1. С. 44–49.

23. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Искусственный интеллект в философско-правовом контексте // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило, И. А. Филиповой, А. А. Шутовой. В 6 т. Т. 3. Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. С. 412–420. DOI: 10.21202/978-5-8399-0772-0_2022_3_440

24. Skorobogatov A. V. Digitalization of law communication in the information society // Problems of Information Society. 2022. Vol. 13, № 1. P. 40. DOI: 10.25045/jpis.v13.i1.05

Ю. Н. Тарасова,

кандидат психологических наук,

Российский государственный университет правосудия

(Северо-Западный филиал)

ВОПРОСЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается значение цифровых технологий в современном мире, включая юридической и, в частности, судебной деятельности. Рассматриваются тенденции развития цифровизации в отправлении правосудия в Российской Федерации. Проводится различие между переводом в цифровой формат системы делопроизводства и электронным правосудием, предполагающим включение искусственного интеллекта в процесс принятия решений.

Ключевые слова: цифровые технологии в судопроизводстве, электронное правосудие, цифровой доступ к правосудию

ISSUES OF DIGITALIZATION OF JUDICIAL ACTIVITY

Abstract. The article examines the importance of digital technologies in the modern world, including legal and, in particular, judicial activities. The trends of digitalization development in the administration of justice in the Russian Federation are considered.